

ПИСЬМА ОТЦА

Моего отца звали Бой Владимирович Соколов. Его выцветшие ветхие письма прислали из Бреста моя тётя Женя, сестра отца. Я их опубликовал в интернете. Были отклики:

«Мы знаем главные сражения Второй мировой войны и их историческое значение, а о войне в душах солдат, в душах и судьбах их родных и её последствиях знаем ничтожно мало. Бесценные письма с фронта – живая история».

«Потрясающе! Как удалось это сохранить?»

«Какая ценность у вас в руках! Спасибо, что поделились».

Мой отец был просто рядовым той войны. Ему приписали год: дед, занимавший высокий пост, боялся репрессий. А так – сын красноармеец. Отличился отец при прорыве на Фастов. Общаясь с местными жителями, он нашёл объездную не нанесённую на карты дорогу. По ней в конце концов и рванулись войска, которые до того нещадно бомбили и обстреливали немцы. Командир дивизии объявил, что он будет представлен к высокой награде. Но не сложилось.

Отец увидел солдата, несшего два ведёрка меда.

– Где взял?

– Да вон же пасека.

После того и он нарезал бидончик сот. Он даже не знал, что дивизия на днях была снята с самообеспечения – вошли в районы, где даже немцы не особенно грабили. Его хотели расстрелять. Показательно. Как мародёра. Именно на него показали хозяева пасеки. Но командир дивизии заступился за отца. Он остался живым. А о дальнейшей его судьбе он сам рассказывает в своих письмах с фронта.

Добавлю только, что после демобилизации по ранению он учился в Томском университете, но учителем не стал, очень увлёкся живописью, делал в основном копии картин Шишкина, Репина, голландцев... А также занимался резьбой по дереву. Однажды он провёл рукой по сверкавшей крышке пианино и сказал мне: «Играть не умею. А так сделать могу». Вот такой он был, красноармеец краснодеревщик...

Владимир СОКОЛОВ

«Здравствуйте, папа, мама и другие. Пишу с г. *(удалено военной цензурой)*. Работаю шофером. Вы, наверное, много кой-чего передумали за этот период, когда я не писал вам. Причины: сперва был в зенитном полку, потом на Орловском еще направлении, отстал от своих вместе с машиной и попал в автороту, из этой автороты в другую автороту... Из автороты последней опять с машиной был передан в артдивизион, где и сейчас воюю с немцами. Я вам примерно дней 20 назад послал коротенькое письмецо с адресом последней автороты. Я после боев опять отойду туда, потому что я придан к артдиву. Сейчас я сообщу адрес и артдива, и роты *(удалено)*. Вы в газетах примерно числа от 3–12 октября читали, наверное, о взятии деревни Григорьевки на правом берегу Днепра. Вот, действительно, где были бои. Я переправился на правый берег еще на пароме вместе с машиной (ночью). Я опишу: левый берег страшно песчаный, правый также песчаный и к тому же – отвесный яр, примерно высотой метров двести. Отсюда исключительно трудно было выбить немцев, но их выбили. После Григорьевских боев мы брали *(два населённых пункта, названия удалены цензурой)*. Не было бумаги да и некогда было. Сейчас имею свободное время. Достал также очень много трофейной бумаги. Передавайте привет всем моим знакомым и близким. Особенно Сашке. До свидания. Ждите со скорой победой. Бой Соколов».

* * *

«Здравствуйте, мама, папа и все остальные. Всё в порядке. Воюю на правом берегу Днепра, отвоеванном у немцев. Работаю шофером. Движемся по побережью к *(удалено)*. Много писать не буду. Получили ли вы мою фотокарточку? Мой адрес: 28118-Ш, Соколову Б. 20.10.43 г.»

* * *

«...Пишу из г. Москвы. Сейчас сидим в поезде. Едем в место расположения. Адрес пока не знаю. Но этот новый адрес долго не удержится. Я сфотографировался в Городце как раз перед самым выездом. Мы выехали 10.07.43. В Городце получил твой второй перевод на 1 000 руб., но издержал его в Городце и очень хорошо сделал. Фото посылаю одно, второе у меня. За 4 штуки заплатил семь руб. Пока. Б. С.»

* * *

«Здравствуйте, мамочка, папа и все остальные. Папу поздравляю с получением ордена, Женю с переходом в 4 класс. Мама, все твои письма я получаю. Я уже писал тебе, что посылку и 2 денежных перевода по 300 р. так и не получил. Очень хорошо, если бы ты выслала мне сейчас денег. Они очень необходимы. Необходимы и на пищу (молоко, хлеб, яйца, лук). Молоко – литр 25–30 руб., яйцо – 15 р., хлеб 100 гр. – 10 р., лук – 5 р. пучок. Кормят нас неплохо. Жить, в общем-то, можно. Но, конечно, с домашним питанием нет никакого сравнения. Признаюсь, я делал так: продавал утреннюю пайку хлеба. 200 гр. за 20 р. А в обед купил пол-литра молока и пучок лука и замечательно пообедал. Я получил также письмо с 2 фотокарточками. Недавно пришло письмо от Зои Давыдовой, за что благодарен ей. Позабыл ее адрес и написал письмо на наш домашний, в том письме в отвлеченном виде написал свой новый. Но ты не вздумай писать, как тогда. Пиши просто на (адрес). Сашке не писал. Но напишу скоро, привет ему от меня. Б. С.»

* * *

«Мама, писал из Горького, теперь привет из Курска. Как я уже рассказал в предшествовавшем письме, был ранен в г. Фастове, в 60 км от Киева, при бомбежке. Я должен был отвезти раненых. В это время налетели гансы (не стоит писать с большой буквы). Бомба разорвалась в полутора метрах от машины, с левой стороны. Я был выкинут волной из кабины метров на шесть за правую обочину дороги и, кроме того что получил контузию, был ранен еще в голову. Осколок не вытащили пока... После контузии не говорил и не слышал дней 25. Левым ухом и сейчас не слышу, но отойдет. На это письмо не отвечай. Жди из госпиталя. Привет Сашке. До свидания. Б. С.

Адрес госпиталя я вам не дам, так как не знаю его. А чтобы дошло письмо, то я напишу

адрес того подразделения, где находился до ранения. Так что вы не пишите мне. Так как без пользы».

* * *

«Рана на голове зажила, но лысина осталась, и, наверно, волосы расти не будут. Как раз на макушке ямина. Рана меня меньше беспокоит, чем контузия. Ведь я 25 дней не говорил и хорошенько говорить стал только числа 09.12.43 г., и то такая вещь: утром не говорю, сижу, как идиот, смотрю куда-нибудь, а под ночь сознание начинает проясняться, и тогда отвечаю на вопросы. Но сейчас это прошло, не прошли только еще иллюзии. Иногда и очень часто кажется, что меня кто-то окликает, или идешь где-нибудь, и вдруг откуда ни возьмись забор поперек, и тогда я начинаю перелазить через него, а в действительности ничего нет.

После фронтовой обстановки мне кажется скучно в госпитале. И когда вспоминаю, то мне хочется опять на фронт. Тогда просто не нахожу себе места. Как на пружинах. И кажется, что весь горишь. Если бы не потерял сознание, то ни за что не уехал бы из дивизиона... Вот так. Проехал почти всю Украину и был ранен... Пишет ли вам Илья Николаевич? Мне хотелось бы узнать его адрес.

Я беспокоюсь о вашей жизни. Главное боюсь, чтобы моё молчание не подействовало на ваш разлад. Я предупреждаю вас, что случайность возможна. И если мне придется умереть в жестоком бою с врагами, то знайте, что я не опозорюсь, но обеспечу вам гордость сознания за себя, я находился с первых и до последних боев в гвардейских полках. За взятие г. Киев нашему корпусу присвоено звание Киевского, а бригаде – Фастовская. Пишите мне немедленно.

Адрес: Горький, 11, часть 313. С. Б. Почему мне папа не написал ни одного письма? Или слишком занят? Пусть пишет. Может, придется гордиться».

Подготовил В. Б. СОКОЛОВ, Кемерово

